

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО / MILITARY BUILD-UP

Взгляды военных аналитиков КНР на стратегические аспекты сдерживания

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225020106

Дубровский Иван Родионович

Аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патрика Лумумбы (адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0003-2655-0927. E-mail: 1142230173@pfur.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2025.

Аннотация:

Статья посвящена особенностям интерпретации стратегии сдерживания (威慑战略) Китая в контексте глобальной конкуренции, прежде всего с США. Автор рассматривает ключевые особенности подхода китайских теоретиков, который отличается от западной концепции сдерживания. В отличие от традиционного западного понимания, сосредоточенного на разбуждении противника в осуществлении агрессии, китайская стратегия включает сдерживание и принуждение, рассматривая их как взаимосвязанные элементы. В работе подробно исследуются подходы китайских авторов по трем основным типам сдерживания: ядерному, космическому и информационному. При этом автор отмечает, что данные типы взаимосвязаны друг с другом — ядерный потенциал служит основой ответного удара, а остальные элементы обеспечивают стратегическую гибкость. Особое внимание уделяется подходам китайских теоретиков к значению стратегических вооружений, средств кибер- и космического противодействия, а также интеграции военных и невоенных инструментов в единую систему воздействия. Рассматривается эволюция китайской военной доктрины, в том числе изменение подходов после реформ НОАК 2015 г. Автор делает вывод о том, что стратегия сдерживания Китая направлена не только на предотвращение конфликта, но и на достижение конкретных политических целей, что делает ее гибким инструментом международной политики. Для Китая сдерживание — не самоцель, а динамический процесс, сочетающий демонстрацию силы, манипуляцию восприятием оппонента и адаптацию к меняющимся угрозам, что позволяет гибко влиять на международную ситуацию в интересах национальной политики. В условиях глобального перераспределения сил концепция сдерживания, которая сформировалась в научном и военном дискурсе КНР, играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности Китая, а также оказывает конструктивное воздействие на международную стабильность.

Ключевые слова:

Внешняя политика КНР, НОАК, военный потенциал КНР, стратегия сдерживания, ядерное оружие, соперничество в космосе, киберпространство, стратегическая конкуренция США и КНР.

Для цитирования:

Дубровский И.Р. Взгляды военных аналитиков КНР на стратегические аспекты сдерживания // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 2. С. 140–153.

DOI: 10.31857/S0131281225020106.

Современная международная обстановка характеризуется стремительным обострением противоречий между ведущими мировыми державами, что делает вопрос стратегического сдерживания противника для Китая особенно актуальным. В центре глобальной политики находится нарастающая конкуренция между США и КНР, вызванная их выходом на стадию относительного паритета сил и началом перераспределения мирового влияния. Отношения США и КНР оказывают существенное влияние

на будущее мирового развития и перспективную конфигурацию системы международных отношений. Обе державы, как постоянные члены СБ ООН с правом вето, несут ответственность за глобальную безопасность, одновременно являясь взаимосвязанными экономическими системами. Их альянс, сложившийся к 1970-м гг., способствовал поражению СССР в рамках «исторической биполярности». Сотрудничество 1990–2010-х гг., принесшее КНР выгоды от финансовой глобализации, сменилось глобальной конкуренцией, противопоставившей либеральный порядок США и модель развивающегося порядка Китая. Это привело к формированию двух коалиций — «коллективного Запада» и «коллективного Незапада»¹.

Рост Китая как великой державы, претендующей на мироустроительные функции в системе международных отношений², сопровождается необходимостью изыскания оптимального подхода для защиты собственных интересов в современных международно-политических реалиях. Однако это требует не только модернизации вооруженных сил, но и адаптации к новой логике международных конфликтов, где передовые технологии, киберпространство и космос становятся аренами стратегического соперничества. В этих условиях стратегия сдерживания становится ключевым инструментом для защиты китайских интересов, позволяя минимизировать угрозы без прямого столкновения с ведущими военными державами. Целью статьи выступает выявление особенностей подхода военных теоретиков Китая к применению стратегии сдерживания в военно-политической плоскости. Автор опирался на труды сотрудников Университета национальной обороны КНР и Академии военных наук Народно-освободительной армии Китая (НОАК), которые служат «фабриками мысли» для военно-политического руководства и обеспечивают экспертно-аналитическую подготовку всех изменений и корректировок концептуальных документов НОАК.

Западная теория сдерживания (deterrence theory) базируется на принципе предотвращения нежелательных действий оппонента через убеждение в нецелесообразности агрессии. Суть заключается в создании у потенциального противника уверенности, что затраты и опасности, связанные с его планами, превысят потенциальные преимущества³. Эта стратегия, глубоко укорененная в западной политологии, фокусируется на превентивном влиянии без прямого давления. Например, Томас Шеллинг описывает сдерживание как «использование угрозы для блокировки нежелательных действий»⁴. Он четко разграничивает его с принуждением: первое — останавливает, второе — провоцирует действие. Аналогичную позицию занимает неореалист Дж. Миршаймер, подчеркивающий, что сдерживание призвано демонстрировать противнику дисбаланс рисков и выгод⁵. Гленн Снайдер дополняет эту идею, называя сдерживание «силой убеждения, а не принуждения»⁶. Таким образом, западная традиция рассматривает его как механизм блокировки агрессии, а не инструмент активного изменения поведения.

Китайская концепция «вэйше» (威慑) основывается на иных принципах. В китайских военных кругах «сдерживание» трактуется шире, объединяя функции как пре-

¹ Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 300 с.

² Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 25.

³ George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. New York: Columbia University Press. 1974. P. 5.

⁴ Schelling T. Arms and Influence. New Haven: Yale University Press. 1966. P. 69.

⁵ Mearsheimer J. Conventional Deterrence. Cornell University Press. Ithaca: Cornell University Press. 1983. P. 14.

⁶ Snyder G. Deterrence and Defense in The Use of Force ed. by R. Art. New York: University Press of America. 1988. P. 31.

дотвращения агрессии, так и принуждения к желаемому образу действия⁷. Согласно подходу, озвученному генералами НОАК Пэн Гуанцянь и Яо Ючжи, стратегия сдерживания (威慑战略) предполагает «демонстрацию военной мощи или угрозу ее применения для подчинения оппонента»⁸. Таким образом, в отличие от западной дихотомии, здесь оба элемента сливаются в единую тактику давления. Эта синтетическая модель закреплена в исследованиях Университета национальной обороны КНР, который находится под институциональным руководством Центрального военного совета (ЦВС) и готовит офицерские кадры для Народно-освободительной армии Китая (НОАК). В трудах Университета сдерживание определяется как способ предотвратить конфликт или ослабить волю противника к сопротивлению (抵抗意志), достигая стратегических целей без прямого столкновения⁹.

В монографии «Наука о стратегии» Университета национальной обороны КНР «вэйше» описывается как военная тактика, вынуждающая оппонента «отступить, пойти на уступки или капитулировать» (退让妥协或屈服)¹⁰. Это определение стирает грань между сдерживанием и принуждением, контрастируя с западным акцентом на превенции. Таким образом, в китайском военном мышлении интегрированы оба метода: блокировка нежелательных действий и активное формирование поведения противника, что отражает гибкий подход к достижению целей доминирования.

В военно-политическом дискурсе Китая стратегия сдерживания не нашла систематического изложения. Однако в докладе генерального секретаря КПК Си Цзиньпина на XX съезде КПК в октябре 2022 г. перед НОАК была поставлена цель «построить мощную систему стратегического сдерживания» (战略威慑力量体系), основанную на развитии как традиционного элемента сдерживания — ядерного оружия, так и «наращивания сдерживающего потенциала неядерных сил», в т.ч. с применением информационных систем¹¹. Однако сама по себе стратегия сдерживания не нашла свое отражение в отдельном концептуальном или доктринальном документе. Начиная с 2000-х гг. в работах китайских военных аналитиков обсуждаются различные аспекты стратегических и оперативно-тактических преимуществ стратегии сдерживания как, оптимального образа действия НОАК в будущих войнах.

В работах китайских военных экспертов эффективность сдерживания трактуется иначе, чем в доктринальных источниках США. Американский подход фокусируется на сдерживании как самостоятельной цели: ключевым считается недопущение действий оппонента в конкретных областях, таких как космос или киберпространство. Например, в «Стратегии национальной безопасности США» 2022 г. акцент делается на поддержании «доминирующих возможностей для сдерживания и нейтрализации аддитивных угроз»¹².

В противоположность этому, в военно-экспертном сообществе Китая стратегия сдерживания воспринимается как многофункциональный механизм достижения полити-

⁷ 中国人民解放军军语 [Военная терминология Народно-освободительной армии Китая]. 全军军事术语管理委员会. 北京: 国防大学出版社. 2011年. 第4页.

⁸ Peng Guangqian, Yao Youzhi. The Science of Military Strategy. Beijing: Military Science Publishing House, 2005. P. 215.

⁹ 军事变革中的新概念: 解读200条军事术语 [Новые концепции в военных преобразованиях: Интерпретация 200 военных терминов]. 北京: 中国人民解放军出版社. 2004年. 第85页.

¹⁰ 寿晓松: 战略学 [Шу Сюосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第135页.

¹¹ 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Выступление Си Цзиньпина на Двадцатом национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 16.10.2022.

URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 11.04.2025).

¹² National Security Strategy // Office of the President of the United States. 2022.

URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

ческих интересов. Эксперты настаивают на применении комбинированных методов — военных, экономических, дипломатических и информационных. Вместо узкой концентрации на блокировке отдельных действий противника, китайские теоретики рассматривают сдерживание как элемент политического противостояния, где ограничение возможностей оппонента способствует решению стратегических задач государства¹³. Сдерживание служит здесь не самостоятельной целью, а средством реализации конкретных задач. Как отмечается в китайских научных кругах, ключевой принцип развития сдерживания включает «интеграцию ядерного и обычного вооружения, сочетание сдерживания с боевыми операциями, а также синтез сдерживания и управления конфликтами»¹⁴.

В настоящий момент китайская модель акцентирует гибкость и многоаспектность, превращая сдерживание в инструмент комплексного влияния, а не просто превентивного ограничения. Китайская модель включает в себя доктрины ядерного сдерживания (核威慑), сдерживания в космическом (太空威慑) и информационном пространствах (信息威慑)¹⁵.

Ядерное сдерживание в китайском военно-политическом дискурсе

В китайском экспертном дискурсе ядерное оружие имеет двойную функцию: оно служит одновременно инструментом устрашения и средством принуждения¹⁶. Как отмечали руководители КНР, уже сам факт обладания ядерным арсеналом заставляет оппонентов корректировать свои стратегические планы. Например, министр иностранных дел Чэнь И в 1962 г., во время реализации программы «Две бомбы, один спутник», подчеркивал, что создание атомного оружия и ракетных технологий укрепляет переговорные позиции Китая на международной арене¹⁷. 23 июля 2024 г. Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Без применения ядерного оружия», в которой отметил, что «разработка Китаем ядерного оружия предназначена не для того, чтобы угрожать другим странам, а для самообороны, обеспечения национальной стратегической безопасности и содействия миру и стабильности во всем мире»¹⁸.

Суть концепции заключается в демонстрации ядерного потенциала или угрозе его применения для подавления военной активности противника. Это включает предупреждения о готовности к нанесению удара или ответным действиям, а также акцент на катастрофические последствия применения такого оружия¹⁹. Главной задачей выступает создание психологического барьера, который может заставить оппонента отказаться от агрессии из-за неприемлемых рисков. Успешное сдерживание позволяет Китаю достигать стратегических целей, предотвращая конфликты, замедляя их эскалацию или ограничивая масштабы, если столкновение неизбежно²⁰.

¹³ Zhou Peng, Wen Enbing. Developing the Theory of Strategic Deterrence with Chinese Characteristics // *China Military Science*. Vol. 3. No. 20. 2004. P. 20.

¹⁴ 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第147页.

¹⁵ 中国人民解放军军语 [Военная терминология Народно-освободительной армии Китая].

全军军事术语管理委员会. 北京: 国防大学出版社. 2011年. 第3页.

¹⁶ 中国人民解放军军语 [Военная терминология Народно-освободительной армии Китая].

全军军事术语管理委员会. 北京: 国防大学出版社. 2011年. 第4页.

¹⁷ Deng Liqun, Ma Hong, Wu Heng. China Today: Defense Science and Technology, Vol. I. Beijing: National Defense Industry Press. 1995. P. 60.

¹⁸ No-first-use of Nuclear Weapons Initiative // *Ministry of Foreign Affairs*. July 23, 2024.

URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202407/t20240723_11458632.html (дата обращения: 04.02.2025).

¹⁹ 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Чэнъю Хао. Целостность и инновационность военно-стратегического мышления Китая] // 南方论刊. 2023年. 09号. 第42–47页.

²⁰ Cheng D. An Overview of Chinese Thinking About Deterrence in NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020 ed. by F. Osinga, T. Weiss. Hague: Asser Press. 2021. Pp. 177–200.

В мирный период основой сдерживания считаются технические возможности и политическая решимость. Однако в кризисных условиях критическую роль играет убедительная демонстрация готовности применить силу²¹. Только если противник не сомневается в решимости КНР задействовать ядерный арсенал, можно эффективно сдержать его действия. Развортывание ядерных сил служит не только доказательством мощи, но и инструментом влияния на стратегические расчеты оппонента. Хотя эти принципы частично пересекаются с западными теориями, китайский подход делает особый акцент на максимально убедительном доведении до противника сигналов о решимости применить ядерное оружие в случае эскалации.

Что касается КНР, то ее подход к ядерному сдерживанию сосредоточен на «ограниченном сдерживании». То есть Китай ориентируется на создание достаточного количества ядерного оружия, которое позволило бы ему поддерживать способность нанести ответный удар. На вооружении Ракетных войск НОАК (РВ НОАК) находятся мобильные баллистические ракеты малой, средней и промежуточной дальности наземного базирования, а также крылатые ракеты наземного базирования. Средства, которыми располагают РВ НОАК, включают в себя баллистические ракеты малой дальности DF-15, DF-11, DF-16, наземные и противокорабельные варианты баллистической ракеты средней дальности (БРСД) DF-21, гиперзвуковые планирующие летательные аппараты DF-17, а также БРСД DF-26. Все они оснащены одиночными ядерными боеголовками. До 2015 г. ядерные и обычные ракетные силы находились под управлением Второго артиллерийского корпуса. Однако после реформы НОАК они были преобразованы в Ракетные войска, получив статус полноценного рода войск. Это изменение усилило их роль в стратегическом планировании и потенциальных боевых действиях²².

Китайская ядерная доктрина строится на стратегии «ответного удара», а не на достижении количественного паритета с другими ядерными державами. Официально Пекин придерживается принципа «неприменения первым», но оставляет за собой гибкость в его трактовке. Вместо наращивания крупных арсеналов акцент делается на создание компактных, но «надежных» (可靠) и «убедительных» (可信) сил сдерживания²³.

Повышение доверия к сдерживанию достигается за счет способности Ракетных войск (PLARF) уцелеть после первого удара, преодолеть систему противоракетной обороны противника, а также нарастить ударную мощь и сократить время ответа. Дополнительно развиваются системы раннего предупреждения, управления и связи (С. 2), а также потенциал быстрого развертывания.

Концепция «ядерной лестницы» (аналогичная западной модели эскалации) включает семь ступеней²⁴:

1. Информационное давление — демонстрация ядерного потенциала через СМИ.
2. Повышение боеготовности — активация боеголовок и пусковых установок.
3. Публичная демонстрация — парады и учения для визуализации мощи.
4. Манипуляции угрозами — дезинформация или имитация ударов для усиления страха противника.
5. Тестовые запуски — ракетные испытания как предупреждение.
6. Приграничные пуски — запуски вблизи зон дислокации противника.

²¹ 寿晓松: 战略学 [Шу Сюсун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第174页.

²² Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Washington: Department of Defense. 2024. Pp. 63–67.

²³ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.02.2025).

²⁴ 王厚卿、张兴业: 战役学 [Ван Хоуцин, Чжсан Синье. О военных кампаниях]. 北京: 国防大学出版社, 2000年. 第281–296页.

7. Снижение порога применения — угроза ядерного ответа даже на обычные атаки по критическим объектам КНР.

Китай интегрирует обычные и ядерные силы: например, ракеты с неядерными боеголовками могут использоваться как сигнал готовности к эскалации. Такой подход исключает шаблонность — меры адаптируются под конкретного оппонента и контекст. Ключевой фактор успеха — способность убедить противника в необратимости ответа, сочетая технические возможности с психологическим воздействием. Сдерживание работает только тогда, когда угроза воспринимается как реальная, а решимость Китая — как неоспоримая²⁵.

Подход Китая к сдерживанию в космическом пространстве

С конца 1990-х гг. китайские военные аналитики неоднократно подчеркивали важность контроля над космосом (制太空权) в ведении современных конфликтов, начиная от «локальных войн в высокотехнологичных условиях» и «локальных войн в условиях информатизации» до современных «информационных локальных войн». Для НОАК космическое пространство играет ключевую роль, учитывая значительное преимущество США в этой сфере. В связи с этим критически важно как ограничить доступ противника к космосу, так и обеспечить его безопасное использование для собственных нужд, что является неотъемлемой частью стратегии установления космического доминирования. В свою очередь, это повышает значимость концепции космического сдерживания (空间威慑), которая сегодня рассматривается как одна из важнейших задач Воздушно-космических сил Китая. Это относительно новая стратегическая функция, обусловленная стремительным развитием космических технологий и их интеграцией в военную сферу.

В китайской военной доктрине космическое сдерживание подразумевает использование космических возможностей для предотвращения военных конфликтов или ограничения их размаха. Путем демонстрации силы и решимости НОАК стремится вызвать у потенциального противника опасения и скорректировать его стратегическое поведение. Важно отметить, что данная концепция не ограничивается исключительно сферой космических операций: она сочетается с мерами ядерного, обычного и информационного сдерживания, формируя комплексное воздействие на восприятие и решения противника.

Коллектив авторов из Академии военных наук НОАК во главе с Цзян Ляньцю отмечает в работе «Лекции по космическим операциям», что космическое сдерживание обладает рядом уникальных характеристик. Во-первых, оно имеет всеобъемлющий охват (全方位性), влияя не только на космические силы, но и на наземные операции. Это подтверждает концепцию, согласно которой главная цель заключается не в ограничении противника в космосе как таковом, а в стратегическом использовании космических систем для достижения политических и военных преимуществ. Во-вторых, космическое сдерживание должно носить интегрированный характер (一体性), охватывая военные, гражданские и коммерческие космические структуры, включая орбитальные группировки, наземные станции управления, каналы передачи данных, а также наступательные и оборонительные меры. В-третьих, оно требует комплексного подхода (综合性), поскольку космический потенциал оказывает влияние не только на военную сферу, но и на экономику, финансы и науку. Таким образом, уровень космического сдерживания зависит от общего уровня развития страны — слабая в научном и экономическом отношении держава не сможет выстроить эффективную систему космического сдерживания²⁶.

²⁵ 寿晓松: 战略学 [Шу Сюосун]. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第176页.

²⁶ 姜连举: 空间作战学教程 [Цзян Ляньцю]. Лекции по космическим операциям]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第102页.

В работах китайских ученых Чан Сянци и Цзян Ляньцзюй, занимающихся вопросами межгосударственного противоборства в космической сфере, иерархию действий в рамках космического сдерживания описывают на разных уровнях эскалации конфликта. Эта стратегия включает три основных этапа:

1. Демонстрация космической мощи (空间力量显示) — использование медийных, дипломатических и испытательных мероприятий для предупреждения противника и демонстрации готовности к ответным мерам.

2. Военные космические учения (空间军事演习) — проведение маневров для повышения боеспособности и демонстрации возможностей Военно-космических сил.

3. Космический удар (空间震慑打击) — нанесение удара по вражеским космическим системам, направленное на ослабление противника и нарушение его военных операций. Этот шаг рассматривается как возможный в условиях военного конфликта²⁷.

При этом космическое сдерживание вряд ли будет использоваться изолированно. Скорее всего, оно станет частью более широкой стратегии, включающей ядерное и обычное сдерживание²⁸. Космические операции усиливают возможности других видов вооруженных сил, обеспечивая разведку, целеуказание и координацию наземных, воздушных и морских сил. Непрерывное наблюдение из космоса также оказывает психологическое давление, усиливая как сдерживающий, так и принудительный эффект.

Подход КНР к информационному сдерживанию

С точки зрения профессора кафедры военной стратегии Академии военных наук НОАК Се Сян, прогресс в сфере информационных технологий и глобальная интеграция «трансформировали распределение влияния в мире, превратив данные в главный инструмент geopolитического доминирования»²⁹. Это привело к тому, что киберпространство стало ключевой площадкой для конкуренции, определяющей как национальную безопасность, так и мощь государства. Угрозы, направленные на информационные системы страны, способны подорвать социальную стабильность, ухудшить качество жизни граждан и даже поставить под вопрос существование государства³⁰.

Для противодействия таким рискам китайское руководство разработало стратегию «информационного устрашения» (信息威慑), подразумевающую принуждение оппонента к отказу от конфронтации через демонстрацию технологического превосходства или передачу данных, ограничивающих его действия. Эта концепция охватывает не только кибератаки, но и все формы информационного противоборства. Ее цель — достижение конкретных политических результатов, а не просто блокирование активности противника в цифровой сфере. Устрашение сочетает методы убеждения (например, демонстрацию способности вывести из строя системы врага) и прямого принуждения³¹.

Исследователь стратегии военного сдерживания КНР Чжан Янь отмечает, что контроль над информацией особо значим в современных конфликтах: угрозы лишить

²⁷ Chang Xianqi. Military Astronautics. Beijing: National Defense Industries Press. 2005. P. 56.; Jiang Lianju. Space Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. P. 102.

²⁸ Langeland K., Grossman D. Tailoring Deterrence for China in Space. Santa Monica: RAND Corporation, 2021. P. 38–39.

²⁹ Xie Xiang. National Security Strategy Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. P. 126.

³⁰ Xiao Tianliang. The Science of Military Strategy. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. P. 123.

³¹ 张岩: 战略威慑理论的历史演进 [Чжан Янь. Историческая эволюция теории стратегического сдерживания] // 军事历史. 2018年. 02号. 第57页.

противника доступа к критическим данным могут служить инструментом давления. В государствах с развитой цифровой инфраструктурой такое устрашение эффективно из-за риска масштабных разрушений. Эксперт отмечает, что равные по технологическому уровню соперники взаимно сдерживаются, осознавая катастрофические последствия атак. Однако менее развитые страны не способны применять эту стратегию, тогда как государство, уступающее в военной силе, но обладающее киберпреимуществом, может нейтрализовать более мощного противника³².

По мнению исследователя информационного домена в современных войнах и войнах будущего Е Чжэн, успешные кибератаки — основа информационного устрашения. Даже их потенциальное применение создает давление, а способность проводить масштабные операции в сетях рассматривается как фундамент сдерживания. Преимущество таких атак — низкая стоимость при высокой разрушительности: они способны дестабилизировать экономику, инфраструктуру и оборону. Множество векторов атак и сложность их отслеживания делают киберзащиту уязвимой, а сдерживание — более гибким, чем ядерное. Непредсказуемость последствий, включая трудности в идентификации источника атаки, снижает вероятность полномасштабного киберконфликта³³.

Китайские эксперты из Академии военных наук НОАК разработали многоуровневую «лестницу сдерживания» в информационной сфере, аналогичную тем, которые нашли свое концептуальное оформление в ядерной и космической областях. Концепция, описанная в публикациях военных экспертов НОАК, включает четыре ключевых этапа, интегрируемых с другими военно-политическими инструментами:

1. Технологическое сдерживание (网络空间技术试验威慑) — разработка и открытия демонстрация кибероружия, инновационных методов сетевой войны. Активная медиакоммуникация достижений создает неопределенность для противника, усиливая эффект сдерживания.

2. Демонстрация возможностей (网络空间装备展示威慑) — публичное раскрытие масштаба киберпотенциала через официальные документы (например, Белые книги), СМИ и демонстрацию оборудования. Акцент на системной интеграции технологий, а не на отдельных образцах.

3. Оперативные учения (网络空间作战演习威慑) — проведение оборонительных учений в реальных условиях и наступательных — на киберполигонах. Примером служат американские командно-штабные учения «Шривер», которые Китай изучает как модель сигнализирования своей решимости.

4. Реальные операции (网络空间作战行动威慑) — применение кибервозможностей для упреждающих или ответных ударов. Акцент на психологическое воздействие: атаки на инфраструктуру, массовые рассылки, дестабилизация энергосетей. Как отмечает аналитик Юань И, ключ — в «точечных, многократных атаках, снижающих волю противника к конфликту»³⁴.

Эти меры синхронизируются с военными, дипломатическими и экономическими инструментами, особенно на верхних «ступенях» лестницы. Китайский подход предполагает многостороннее сдерживание: операции против третьих стран могут использоваться для косвенного давления на главного оппонента, демонстрируя готовность к эска-

³² 张岩: 战略威慑理论的历史演进 [Чжсан Янь. Историческая эволюция теории стратегического сдерживания] // 军事历史. 2018年. 02号. 第59–60页.

³³ Ye Zheng. Science of Information Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. P. 28.

³⁴ 袁艺: 浅析网络空间威慑的特征、类型和运用要点 [Юань И. Краткий анализ характеристик, типов и точек применения средств сдерживания в киберпространстве] // 解放军报社. 05.01.2016. URL: http://www.81.cn/jskj/2016-01/05/content_6844848_2.htm (дата обращения: 04.02.2025).

лации. Однако авторы подчеркивают, что эффективность стратегии зависит от адаптивности к быстро меняющемуся технологическому ландшафту и способности поддерживать неопределенность у противника.

Специалист по применению информационных технологий в военной сфере Дин Чен подчеркивает, что эффективное устрашение требует создания неопределенности: противник не должен понимать тактику, методы или границы ответных мер, что заставляет его действовать осторожно. Например, в кризисной ситуации угроза взлома финансовых систем или энергосетей может заставить оппонента отступить³⁵. Демонстрация устойчивости собственных информационных систем также играет роль сдерживания, так как без цифрового превосходства противник не сможет добиться успеха в других областях, вынуждая его отказаться от агрессии³⁶. Таким образом, информационное устрашение становится ключом к предотвращению конфликтов в эпоху цифровизации.

Конвенциональное военное сдерживание в работах военных аналитиков КНР

В работах китайских военных экспертов понятие конвенционального сдерживания (常规威胁) занимает особое место. Оно не рассматривается как отдельный вид сдерживания, наравне с ядерным, космическим или информационным, но упоминается в контексте масштабного развертывания обычных вооруженных сил наряду с ядерными и ракетными силами сдерживания иностранной агрессии³⁷.

На практике конвенциональное сдерживание реализуется Китаем через развертывание и демонстрацию высокотехнологичных систем обычного вооружения, прежде всего — дальнобойных ракет, способных действовать с высокой точностью. Подобный выбор продиктован не только стремлением к оперативной гибкости, но и политическими соображениями. Как считает военный эксперт Чжао Сицзюнь, опираясь на опыт военных действий США в Ираке в 2003 г., размещение обычного вооружения в отличие от ядерного не приводит к эскалации или международному осуждению. Это делает его удобным инструментом в мирное время и в фазах ограниченного конфликта, особенно в зонах, где имеются территориальные споры — Тайваньском проливе, Южно-Китайском море, Восточно-Китайском море³⁸.

Особое место в конвенциональном сдерживании занимают РВ НОАК. Китайские эксперты подчеркивают двойную функцию этого рода войск: они применяются как для ядерного, так и для конвенционального сдерживания в рамках одного командования и имеющихся сил и средств. Преимущество такого подхода заключается в возможности играть на амбивалентности сигнала: любая демонстрация силы с использованием ракет может быть как ядерной, так и конвенциональной, создавая стратегическую неясность, которая усиливает сдерживающий эффект.

В экспертном сообществе конвенциональное сдерживание трактуется как гибкое, ограниченное и практическое, что предполагает его использование в гораздо более широком спектре сценариев. Высокоточное оружие становится инструментом политического воздействия, при этом Китай настаивает на том, что сила применяется не для то-

³⁵ Dean Cheng. PLA Perspectives on Network Warfare in “Informationized Local Wars” // *The Heritage Foundation*. 2022. P. 12.

³⁶ Xiao Tianliang. *The Science of Military Strategy*. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. P. 123.

³⁷ Xiao Tianliang. *The Science of Military Strategy*. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. P. 134.

³⁸ 赵锡君: 慨战: 导弹威慑纵横谈 [ЧжАО СИЦЗЮНЬ. Война устрашения: комплексная дискуссия о ракетном сдерживании]. 北京: 军事科学出版社, 2005年. 第102–103页.

тального разрушения, а для вынуждения противника к уступкам, переговорам или отказу от действий, противоречащих интересам КНР³⁹.

Необходимо подчеркнуть, что Китай последовательно превращает свои обычные ракеты в ключевой компонент межвидового взаимодействия и наступательных операций. Развитие гиперзвуковых планирующих боевых блоков, противокорабельных баллистических ракет и высокоточных крылатых ракет демонстрирует направленность на создание внушительной боевой мощи в неядерной сфере. Эти средства уже сейчас позволяют попадать укрепленные, мобильные и скрытые цели на больших дистанциях, что поднимает уровень угрозы для потенциальных противников даже без применения ядерного оружия. Более того, регулярные пуски ракет, испытания вблизи спорных территорий, массированные тренировки — все это вписывается в китайскую модель стратегического поведения, где демонстрация технической и оперативной готовности является неотъемлемой частью сдерживания⁴⁰. В частности, в 2020 г. РВ НОАК провели более 250 запусков различного рода ракет. Данный шаг можно расценить не просто как военные учения, а продуманную стратегию сигнализации, рассчитанную на сдерживание внешнего вмешательства.

Тактические особенности применения концепции сдерживания

В западной экспертной среде принято разделять два типа сдерживания: «сдерживание через возмездие» (угроза нанесения непреимлемого ущерба) и «сдерживание через предотвращение» (лишение оппонента возможности достичь целей). Первый подход допускает эскалацию, второй фокусируется на защите ключевых объектов⁴¹. Однако в китайских источниках подобное терминологическое разделение практически отсутствует.

Китайские исследователи рассматривают концепцию «вэйше» как синтез обеих стратегий: она сочетает повышение затрат для противника (аналог «сдерживания возмездием») и блокирование его преимуществ («сдерживание предотвращением»). Главная задача — добиться подчинения оппонента любыми средствами, что отражает прагматичный, результат-ориентированный подход. В трудах по военной стратегии, таких как «Наука стратегии», подчеркивается, что эффективное сдерживание требует реальных возможностей для обороны (предотвращение), потенциала для контратаки (возмездие) и политической воли к действиям⁴².

Западных аналитиков смущает, что Китай стирает грань между сдерживанием и прямыми военными мерами. В местных исследованиях утверждается, что ядерное, космическое и информационное сдерживание интегрируется с концепцией «реальной войны» (实战), где демонстрация силы может как остановить агрессию, так и обеспечить тактическое превосходство — например, за счет захвата стратегической инициативы. Это порождает вопросы о китайском понимании управления кризисами: вероятность потери контроля над эскалацией рассматривается не как риск, а как элемент давления, что отчасти напоминает западную идею «сдерживания предотвращением».

³⁹ 凌胜银, 彭爱华: 我国战略威慑能力建设研究 [Лин Шеньинь, Пэн Айхуа. Исследования по наращиванию потенциала стратегического сдерживания нашей страны]. 北京: 人民出版社. 2019年. 第82–83页.

⁴⁰ 郝晓雪, 王忠, 韩光松: 高超声速飞行器作战运用探要 [Хао Сяосюэ, Ван Чжун, Хань Гуансун. Исследование возможностей боевого применения гиперзвуковых летательных аппаратов] // 舰船电子工程, 2021年. 41(7)号. 第13–15页.

⁴¹ Mazarr, M.J. et al What Deters and Why: Lessons of Deterrence Theory and Practice for U.S. Army Forces and Capabilities. Santa Monica: RAND Corporation. 2018. P. 15.

⁴² 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第147–150页.

Важным аспектом также считается демонстрация новых военных технологий, передислокация сил и обновление стратегических планов. Подобные действия дезориентируют противника, подрывают его уверенность в оценке баланса сил и нейтрализуют его преимущества. Китайские источники отмечают, что эффект сдерживания усиливают не только инновационные разработки, но и новые доктрины, что можно трактовать как форму «сдерживания возмездием»⁴³. В целом, хотя китайские стратеги осознают разницу между двумя подходами, в их практике это различие не считается принципиальным — ключевым остается достижение доминирования через гибкое сочетание методов.

* * *

Анализ подходов, существующих в китайском научном дискурсе касательно военного сдерживания как инструмента внешней политики Китая, показывает, что сама концепция военного сдерживания значительно отличается от западного подхода. В то время как в США сдерживание направлено исключительно на разубеждение противника от агрессивных действий путем демонстрации неприемлемых издержек, китайская модель сочетает сдерживание и принуждение, представляя собой комплексный инструмент влияния. Китайская стратегия сдерживания направлена не только на предотвращение конфликта, но и на достижение определенных политических целей, используя военные, дипломатические, экономические и информационные рычаги.

Особенность китайского подхода заключается в многостороннем сдерживании, включающем ядерные, космические и информационные средства. В этом отношении действия Китая по сдерживанию и принуждению не направлены на упреждение или предотвращение враждебных действий в определенной области (космическая, кибернетическая/информационная) или типах возможностей (ядерные, конвенциональные силы). Сдерживание/принуждение — это скорее средство достижения заранее определенной политической цели, чем цель или конечный результат.

В китайской военной стратегии ядерное сдерживание основывается на принципе «ограниченного сдерживания» и способности нанести ответный удар, а космическое и информационное сдерживание дополняют его, обеспечивая стратегическую гибкость и многослойную защиту от угроз. Китай рассматривает сдерживание как динамический процесс, где демонстрация силы и манипуляция восприятием противника являются неотъемлемыми элементами стратегии.

Литература

- Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 23–32.
- Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 300 с.
- Chang Xianqi. Military Astronautics. Beijing: National Defense Industries Press. 2005. 279 p.
- Cheng D. An Overview of Chinese Thinking About Deterrence in NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020 ed. by F. Osinga, T. Weiss. Hague: Asser Press. 2021. P. 177–200.
- Chinese Military Encyclopedia, 2nd ed. Military Strategy. Beijing: China Encyclopedia Publishing House. 2000. P. 279–284.
- Dean Cheng. PLA Perspectives on Network Warfare in “Informationized Local Wars” // The Heritage Foundation. 2022. 16 p.
- Deng Liqun, Ma Hong, Wu Heng. China Today: Defense Science and Technology, Vol. I. Beijing: National Defense Industry Press. 1995. 201 p.
- George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. New York: Columbia University Press. 1974. 666 p.

⁴³ 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第152–153页.

- Jiang Lianju. Space Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. 40 p.
- Langeland K., Grossman D. Tailoring Deterrence for China in Space. Santa Monica: RAND Corporation, 2021. 70 p.
- Mazarr M.J. et al What Deters and Why: Lessons of Deterrence Theory and Practice for U.S. Army Forces and Capabilities. Santa Monica: RAND Corporation. 2018. 232 p.
- Mearsheimer, J. Conventional Deterrence. Ithaca: Cornell University Press. 1983. 289 p.
- Peng Guangqian, Yao Youzhi. The Science of Military Strategy. Beijing: Military Science Publishing House, 2005. 504 p.
- Schelling T. Arms and Influence. New Haven: Yale University Press. 1966. 336 p.
- Snyder G. Deterrence and Defence in The Use of Force ed. by R. Art. New York: University Press of America. 1988. 254 p.
- Xiao Tianliang. The Science of Military Strategy. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. 466 p.
- Xie Xiang. National Security Strategy Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. 372 p.
- Ye Zheng. Science of Information Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. 25 p.
- Zhou Peng, Wen Enbing. Developing the Theory of Strategic Deterrence with Chinese Characteristics // *China Military Science*. Vol. 3. No. 20. 2004. Pp. 19–26.
- 中国人民解放军军语 [Военная терминология Народно-освободительной армии Китая].
全军军事术语管理委员会. 北京: 国防大学出版社. 2011年. 288页.
- 军事变革中的新概念: 解读200条军事术语 [Новые концепции в военных преобразованиях: Интерпретация 200 военных терминов]. 北京: 中国人民解放军出版社. 2004年. 246页.
- 寿晓松: 战略学 [Шу Сюсун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 296页.
- 张岩: 战略威慑理论的历史演进 [Чжан Янь. Историческая эволюция теории стратегического сдерживания] // 军事历史. 2018年. 02号. 第56–61页.
- 袁艺: 浅析网络空间威慑的特征、类型和运用要点 [Юань И. Краткий анализ характеристики, типов и точек применения средств сдерживания в киберпространстве] // 解放军报社. 05.01.2016.
URL: http://www.81.cn/jskj/2016-01/05/content_6844848_2.htm (дата обращения: 04.02.2025).
- 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Чэн Хао. Целостность и инновационность военно-стратегического мышления Китая] // 南方论刊. 2023年. 09号. 第42–47页.
- 姜连举: 空间作战学教程 [Цзян Ляньцю. Лекции по космическим операциям]. 北京:
军事科学出版社, 2013年. 285页.
- 赵锡君: 慨战: 导弹威慑纵横谈 [Чжако Сицюнь. Война устрашения: Комплексная дискуссия о ракетном сдерживании]. 北京: 军事科学出版社, 2005年. 258页.
- 凌胜银, 彭爱华: 我国战略威慑能力建设研究 [Лин Шенъинь, Пэн Аихуа. Исследования по наращиванию потенциала стратегического сдерживания нашей страны]. 北京: 人民出版社. 2019年. 246页.
- 郝晓雪, 王忠, 韩光松: 高超声速飞行器作战运用探要 [Хао Сюсюэ, Ван Чжун, Хань Гуансун. Исследование возможностей боевого применения гиперзвуковых летательных аппаратов] //
舰船电子工程, 2021年. 41(7)号. 第12–16页.
- 王厚卿, 张兴业: 战役学 [Ван Хоуцин, Чжан Синъе. О военных кампаниях]. 北京: 国防大学出版社,
2000年. 498页.

The Views of Chinese Military Analysts on the Strategic Aspects of Deterrence

Ivan R. Dubrovskiy

Applicant at the Department of theory and history of international relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (address: 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2655-0927. E-mail: 1142230173@pfur.ru

Received 30.03.2025.

Abstract:

The article is devoted to the peculiarities of interpreting China's deterrence strategy in the context of global competition, primarily with the United States. The author examines the key features of the Chinese theorists' approach, which differs from the Western concept of deterrence. Unlike the traditional Western understanding, which focuses on dissuading the enemy from aggression, the Chinese strategy includes deterrence and coercion, considering them as interrelated elements. The

paper examines in detail the approaches of Chinese authors on three main types of deterrence: nuclear, space and information. At the same time, the author notes that these types are interconnected with each other — the nuclear potential serves as the basis for a retaliatory strike, while the remaining elements provide strategic flexibility. Special attention is paid to the approaches of Chinese theorists to the importance of strategic weapons, cyber and space countermeasures, as well as the integration of military and non-military instruments into a single system of influence. The article examines the evolution of Chinese military doctrine, including the change in approaches after the reforms of the PLA in 2015. The author concludes that China's deterrence strategy is aimed not only at preventing conflict, but also at achieving specific political goals, which makes it a flexible instrument of international policy. For China, deterrence is not an end in itself, but a dynamic process combining a show of force, manipulation of an opponent's perception, and adaptation to changing threats, which allows for flexible influence on the international situation in the interests of national policy. In the context of the global redistribution of forces, the concept of deterrence, which has been formed in the scientific and military discourse of the PRC, plays a key role in ensuring China's national security, as well as has a constructive impact on international stability.

Key words:

China's foreign policy, PLA, China's military potential, deterrence strategy, nuclear weapons, space rivalry, cyberspace, strategic competition between the United States and China.

For citation:

Dubrovskiy I.R. The Views of Chinese Military Analysts on the Strategic Aspects of Deterrence // Far Eastern Studies. 2025. No. 2. Pp. 140–153. DOI: 10.31857/S0131281225020106.

References

- Chang Xianqi.* Military Astronautics. Beijing: National Defense Industries Press. 2005. 279 p.
- Cheng D.* An Overview of Chinese Thinking About Deterrence in *NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies* 2020 ed. by F. Osinga, T. Weiss. Hague: Asser Press. 2021. Pp. 177–200.
- Chinese Military Encyclopedia*, 2nd ed. Military Strategy. Beijing: China Encyclopedia Publishing House. 2000. Pp. 279–284.
- Konkurenziya mezhdu SSHA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii [Competition between the USA and China: Opportunities for Russia] / Pod red. D.A. Degtereva. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2024. 300 s. (In Russ.)
- Dean Cheng.* PLA Perspectives on Network Warfare in “Informationized Local Wars”. *The Heritage Foundation*. 2022. 16 p.
- Deng Liqun, Ma Hong, Wu Heng.* China Today: Defense Science and Technology, Vol. I. Beijing: National Defense Industry Press. 1995. 201 p.
- George A., Smoke R.* Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. New York: Columbia University Press. 1974. 666 p.
- Jiang Lianju.* Space Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. 40 p.
- Langeland K., Grossman D.* Tailoring Deterrence for China in Space. Santa Monica: RAND Corporation, 2021. 70 p.
- Mazarr M.J. et al* What Deters and Why: Lessons of Deterrence Theory and Practice for U.S. Army Forces and Capabilities. Santa Monica: RAND Corporation. 2018. 232 p.
- Mearsheimer J.* Conventional Deterrence. Ithaca: Cornell University Press. 1983. 289 p.
- Peng Guangqian, Yao Youzhi.* The Science of Military Strategy. Beijing: Military Science Publishing House, 2005. 504 p.
- Schelling T.* Arms and Influence. New Haven: Yale University Press. 1966. 336 p.
- Snyder G.* Deterrence and Defence in The Use of Force ed. by R. Art. New York: University Press of America. 1988. 254 p.
- Vinogradov A.V.* “Odnopolyarnaya Aziya”: kitajskij regional'nyj poryadok [“Unipolar Asia”: the Chinese Regional Order]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 65. No. 3. S. 23–32. (In Russ.)
- Xiao Tianliang.* The Science of Military Strategy. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. 466 p.
- Xie Xiang.* National Security Strategy Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. 372 p.

- Ye Zheng.* Science of Information Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. 25 p.
- Zhou Peng, Wen Enbing.* Developing the Theory of Strategic Deterrence with Chinese Characteristics // *China Military Science.* Vol. 3. No. 20. 2004. Pp. 19–26.
- 中国人民解放军军语 [Military terminology of the People's Liberation Army of China] / 全军军事术语管理委员会. 北京: 国防大学出版社. 2011年. 288 页. (In Chin.)
- 军事变革中的新概念: 解读200条军事术语 [New concepts in military transformations: Interpretation of 200 military terms]. 北京: 中国人民解放军出版社. 2004年. 246 页. (In Chin.)
- 寿晓松: 战略学 [Shu Xiaosong. The Science of military strategy]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 296 页. (In Chin.)
- 张岩: 战略威慑理论的历史演进 [Zhang Yan. Historical evolution of the theory of strategic deterrence]. 军事历史. 2018年. 02号. 第56–61页. (In Chin.)
- 袁艺: 浅析网络空间威慑的特征, 类型和运用要点 [Yuan Yi. A brief analysis of the characteristics, types and points of application of deterrence in cyberspace]. 解放军报社. 05.01.2016.
- URL: http://www.81.cn/jskj/2016-01/05/content_6844848_2.htm (accessed: 04.02.2025). (In Chin.)
- 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Chen Hao. The integrity and innovativeness of China's military-strategic thinking]. 南方论刊. 2023年. 09号. 第42–47页. (In Chin.)
- 姜连举: 空间作战学教程 [Jiang Lianju. Lectures on the Science of Space Operations]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 285 页. (In Chin.)
- 赵锡君: 憾战: 导弹威慑纵横谈 [Zhao Xijun. Intimidation Warfare: A Comprehensive Discussion of Missile Deterrence]. 北京: 军事科学出版社, 2005年. 258 页. (In Chin.)
- 凌胜银, 彭爱华: 我国战略威慑能力建设研究 [Ling Shengyin, Peng Aihua. Research on the construction of our country's strategic deterrence capacity]. 北京: 人民出版社. 2019年. 246 页. (In Chin.)
- 郝晓雪, 王忠, 韩光松: 高超声速飞行器作战运用探要 [Hao Xiaoxue, Wang Zhong, Han Guangsong. Discussion on the Operational Applications of Hypersonic Vehicles]. 舰船电子工程, 2021年. 第41(7)号. 第12–16页. (In Chin.)
- 王厚卿, 张兴业: 战役学 [Wang Houqing, Zhang Xingye. On Military Campaigns]. 北京: 国防大学出版社, 2000年. 498 页. (In Chin.)